НИЖЕГОРОДСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 27. СРЕДА, МАЯ 18-ГО 1849 ГОДА.

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Убыло воды въ рѣкахъ Окѣ и Волгѣ 11 ч. 8½ верш., 12 ч. 9 верш., 13 ч. 8 верш., а съ 29 ч. апрѣля убыло 5 ар. 11 в. за тѣмъ остается прибылой воды 11 ар. 6 верш.

—*О пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ особахъ первыхъ четырехъ классовъ:*

Въ Спбургъ 12 ч. дѣйст. стат. сов. *Прутченко.*

НОВОСТИ НИЖЕГОРОДСКАГО ТЕАТРА.

Слѣдуя непреложнымъ законамъ прогресса, этого вращательнаго движенія поршня въ великой машинѣ міра, нашъ нижегородскій театръ, въ послѣднее десятилѣтіе, подвергался многимъ перемѣнамъ, которыя выражались сначала возвышеніемъ, а потомъ постепеннымъ паденіемъ многообразныхъ его достоинствъ, такъ что публика нижегородская почти со всѣмъ его оставила. Но послѣ долгаго и довольно упорнаго направленія театра къ грустному пониженію—подобно барометру въ глухую и нещастную осень—въ настоящее время онъ почти вдругъ возвысился въ своихъ достоинствахъ до точки ясности и кажется стремится все выше и выше. Конечно не одинъ слѣпой случай, а вѣроятно и внимательная заботливость распорядителей театра виною этой счастливой, и рѣзкой перемѣны; перемѣны, невольно возбуждающей въ насъ охоту говорить о театрѣ во всеуслышаніе, хотя, признаться сказать, способъ для этаго разговора у насъ не совсѣмъ удобенъ. Единственный инструментъ для многократно-повторяющейся рѣчи—неоффиціальная часть губерскихъ вѣдомостей—имѣетъ, къ несчастію, такую слабую звучность, что его немногіе нижегородцы слышатъ. Но нужды нѣтъ! Мы не будемъ думать о томъ будутъ ли у насъ читатели и много ли ихъ будетъ, мы все таки скажемъ нѣсколько словъ о пріобрѣтеніяхъ нашего театра, удовлетворяя тѣмъ, съ одной стороны, своей потребности говорить, а съ другой, желанію доказать самымъ дѣломъ любовь къ театру.

Всѣхъ новыхъ сюжетовъ, на нашемъ театрѣ, кажется пять. Никто изъ нихъ, разумѣется, не лишній, но мы будемъ говорить только о трехъ сюжетахъ, принадлежащихъ къ разряду замѣчательныхъ.

Первый сюжетъ есть, безъ сомнѣнія, г-жа *Шмитгофъ.* Мы бы назвали ее примадонной нижегородской оперы, еслибы въ Нижнемъ была опера. Г-жа Шмитгофъ выступила на сцену сначала, какъ пѣвица, а потомъ и какъ актриса въ маленькихъ операхъ и водевиляхъ. Какъ пѣвица, г-жа Шмитгофъ выше актрисы. Голосъ ея, довольно обширный по своему діапазону, и замѣчательно чистый и пріятный на верхнихъ нотахъ,

обработанъ методически, и, какъ видно, по хорошимъ образцамъ. Г-жа Шмитгофъ исполняла въ концертахъ довольно большія и довольно серьезныя вещи, какъ напримѣръ партіи изъ оперъ: Нормы. Севильскаго Цирульника, Ломбардцы, Волшебнаго стрѣлка, Фенеллы, Цампы и наконецъ знаменитую арію Бальфа. Не всѣ эти піэсы г-жа Шмитгофъ исполнила одинаково хорошо, менѣе всего удачно арію Бальфа, но за то нѣкоторыя, какъ напримѣръ Casta diva Беллини, Una voce pocofa Россинни, г-жа Шмитгофъ исполнила превосходно. Мы еще теперь помнимъ всеобщій, единодушный восторгъ слушателей, привѣтствовавшихъ громкимъ аплодисментомъ пріятное появленіе на нашей сценѣ пѣвицы, съ замѣчательнымъ музыкальнымъ дарованіемъ. И какъ хотите, этому появленію нельзя нерадоваться, много и истинно радоваться. Музыка вообще и вокальная въ особенности есть вещь до того превосходная, что она на всей нашей бѣдной планѣтѣ, а не то что въ Нижнемъ, составляетъ рѣдкость. Истинно хорошіе пѣвцы и хорошія пѣвицы въ цѣломъ свѣтѣ считаются единицами и потому составляютъ собственность цѣлаго свѣта, а не какой либо одной стороны. Судите же, до какой степени должно быть пріятно пріобрѣтеніе на нашу сцену такого таланта, который можетъ насъ знакомить съ высокими музыкальными произведеніями; и для тѣхъ, кто слышалъ первоклассныхъ пѣвицъ, напоминать былыя наслажденія, а для тѣхъ, кто неслыхалъ въ вокальномъ отношеніи ничего превосходнаго давать идею о прекрасномъ въ музыкѣ.

Съ открытіемъ театра г-жа Шмитгофъ играла первыя роли въ операхъ: Сиротка Сусанна, Кетли, Швейцарская хижина, женщина Лунатикъ и въ нѣкоторыхъ водевиляхъ. Мы незнаемъ, какъ опредѣлить точнѣе сценическія достоинства г-жи Шмитгофъ, хотя очень хорошо чувствуемъ всѣ эти достоинства. И здѣсь также, какъ въ исполненіи вокальной музыки г-жа Шмитгофъ была неодинаково мила во всѣхъ игранныхъ ею піэсахъ, но, что весьма замѣчательно, нигдѣ, ни въ какой роли, она не была дурна. Въ Шмитгофъ есть нѣчто невыразимо пріятное, что мы никакъ иначе назвать не можемъ, какъ породой. Это опредѣленіе, можетъ быть немножко странное, во все не значитъ однако, что г-жа Шмитгофъ, по своимъ манерамъ, есть вполнѣ свѣтская женщина, женщина аристократка. Нѣтъ! въ ней преобладаютъ въ высшей степени тѣ элементы нѣжной, прозрачной, воздушной женственности, при которыхъ она и въ роли Мадлены, въ водевилѣ что и деньги безъ ума, и въ роли Катерины, въ водевилѣ любовное зелье, олицетворяетъ собою поэтическое созданіе женщины, простой по рожденію, но женщины нѣжной, изящной натуры. Г-жа Шмитгофъ съ миленькими глазками, съ миленькимъ ротикомъ, неизмѣняющимися въ непріятныя положенія даже при исполненіи самыхъ трудныхъ музыкальныхъ поссажей, всегда столько мила, что мы, любуясь ею, невольно припоминаемъ поэтическія созданія женщинъ, подобныхъ Юліи Шекспира, Магдалины Гете, Виргиніи Сент—Пьера, Граціеллы Ламартина... Однимъ словомъ, намъ кажется, что женщина съ организаціей подобною той, какую имѣетъ г-жа Шмитгофъ, не можетъ быть непріятною на сценѣ даже и при слабомъ сценическомъ дарованіи: врожденная грація никогда ея не оставитъ, будетъ ли она королевой или крестьянкой, злымъ или добрымъ геніемъ..... Между тѣмъ, мы должны сказать, что лучшая роль г-жи Шмитгофъ, по нашему мнѣнію, была роль Сусанны, въ оперѣ сиротка Сусанна; а это служитъ фактическимъ доказательствомъ, что г-жа Шмитгофъ имѣетъ сценическое дарованіе: пѣвица, удовлетворительно разыгравшая въ продолженіе цѣлаго акта нѣмую, неможетъ небыть порядочною актрисой. Другимъ доказательствомъ достоинствъ г-жи Шмитгофъ, какъ актрисы, служитъ исполненіе ею роли Наташи въ женщинѣ Лунатикъ. Сцена сонамбулизма и въ особенности первая сцена, гдѣ она увѣряетъ свою мать, что вовсе забыла Лидина,— исполнены г-жею Шмитгофъ прекрасно!

Другой Сюжетъ нашей сцены есть г. Милославскій, бывшій артистъ Спбургскаго театра. Что сказать о немъ? Да мы прямо скажемъ, что для г. Милославскаго вовсе ненужно того авторитета, что онъ бывшій артистъ Императорскаго Спбургскаго театра. Каждый кто только разъ его увидитъ и въ особенности въ роли вполнѣ соотвѣтствующей его физическимъ средствамъ и его амплуа, каждый скажетъ, что это истинный артистъ, артистъ по призванію! Трудно только опредѣлить амплуа г. Милославскаго, такъ оно велико и разнообразно. Онъ игралъ роль городничаго въ Ревизорѣ, потомъ игралъ первыя роли въ драмахъ; Матильда или ревность, Смерть и честь, Она помѣшана, и первыя же роли въ нѣсколькихъ водевиляхъ послѣдняго репертуара. И вездѣ, гдѣ онъ ни игралъ, и въ драмахъ и въ

водевиляхъ, г. Милославскій былъ отлично хорошъ. Мущина высокаго росту, съ выразительной физіономіей, съ ловкой, благородной фигурой г. Милославскій владѣетъ всѣмъ, чтобы быть истиннымъ артистомъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ, при врожденномъ развитіи эстетическаго чувства, видна большая опытность, большая привычка къ сценѣ. Но, какъ ни хорошъ г. Милославскій въ водевиляхъ, намъ какъ—то жаль его видѣть въ этихъ піэсахъ и въ особенности въ роляхъ безцвѣтныхъ, безхарактерныхъ, гдѣ артистъ долженъ форсировать своимъ комизмомъ до простаго дурачества, чтобы только придать какой нибудь цвѣтъ своей роли. Намъ жаль видѣть въ подобныхъ роляхъ г. Милославскаго, жаль потому, что онъ артистъ высокой драмы. Какъ хорошъ напримѣръ г. Милославскій въ роли Бидермана въ драмѣ Смерть и честь и въ роли Гарлейга въ драмѣ Она помѣшана. Въ этой послѣдней роли г. Милославскій такъ высокъ, такъ вѣренъ природѣ съ перваго до послѣдняго явленія, что намъ кажется ни чего лучшаго желать нельзя. А роль эта, какъ извѣстно, исполнена высокаго драматизма и требуетъ со стороны артиста глубокаго пониманія человѣческой натуры. Съ ума сойти легко. Мало ли на свѣтѣ если не сумасшедшихъ людей, то по крайней мѣрѣ сумасшедшихъ или безумныхъ дѣйствій, но разыграть сумасшедшаго вѣрно природѣ, но тронуть душу зрителя полнымъ сочувствіемъ, полнымъ, инстинктивнымъ пониманіемъ страдательнаго положенія человѣка, лишеннаго разума—это верхъ драматическаго искуства!

Говоря о г. Милославскомъ, что онъ хорошъ во всѣхъ роляхъ, мы только хотѣли повторить то, что выше сказали о г-жѣ Шмитгофъ, т. е., что человѣкъ такой развитой породы, такой исключительной организаціи, не можетъ быть дуренъ ни въ какой роли. Но если разбирать игру г. Милославскаго строже, то мы найдемъ, что онъ не вполнѣ художественно исполнялъ роли въ нѣкоторыхъ водевиляхъ, несоотвѣтствовавшихъ его амплуа. Напримѣръ въ роли Жерома, въ водевилѣ что и деньги безъ ума, г. Милославскій былъ своеобразенъ и хорошъ, но онъ мало походилъ на глупенькаго савояра, а скорѣе, не токмо по всѣмъ своимъ манерамъ, но даже по костюмировкѣ, походилъ на добраго Джонъ Буля, англичанина съ головы до ногъ.

Послѣ этой не совсѣмъ удачно исполненной роли видѣть опять г. Милославскаго въ роли Самуила Чертовича, въ водевилѣ право пожизненнаго владѣнія—станешь въ тупикъ и откажешся отъ своего мнѣнія! Какое его амплуа? гдѣ онъ выше въ драмѣ или комедіи? это вопросъ неразрѣшимый. Труднѣйшая роль и роль діаметрально противоположная высокой драматической, исполнена г. Милославскимъ съ такимъ искуствомъ, съ такимъ вѣрнымъ и умнымъ комизмомъ, что, кажется, онъ родился для подобныхъ ролей. Одно только мы снова замѣтимъ, что самая костюмировка, или лучше сказать маскировка лица, была у г. Милославскаго очень утрирована: онъ походилъ не на Самуила Чертовича, человѣка весьма человѣчнаго, а на фантастическое лице Саміеля.... И такъ быть или родиться Сквозникомъ, Хлестаковымъ, его Осипомъ, Плюшкинымъ, Ноздревымъ, Маниловымъ—ничего не стоитъ! Но воспроизвесть художественно всѣ эти и подобные имъ типы надо имѣть много, много таланта!

Для большаго поясненія понятія, какое мы даемъ здѣсь слову порода, мы кстати вспомнимъ о нашемъ старомъ знакомцѣ г. *Трусовѣ.* Скажите, что такъ далеко выдвинуло Трусова впередъ изъ всей среды его собратій. Отъ чего онъ такъ исключительно хорошъ на сценѣ, всегда, вездѣ, какую бы роль онъ неигралъ? Мы знаемъ біографію г. Трусова; знаемъ, что ему негдѣ даже было и выучиться пріятнымъ и граціознымъ манерамъ свѣтскаго человѣка, за всѣмъ тѣмъ, какъ первый любовникъ,-амплуа, какъ извѣстно, одно изъ труднѣйшихъ—г. Трусовъ съ такимъ достоинствомъ исполняетъ всѣ роли и въ драмахъ и комедіяхъ, что, право, неподкопаешся подъ него ни въ какой поддѣлкѣ: это неапликѣ, это самородный, благородный металлъ!.... Конечно, на великой сцѣнѣ свѣта мы много найдемъ людей, которые свѣтскій лоскъ, пріятность манеръ, умѣнье съ достоинствомъ держать себя въ позиціи порядочнаго человѣка, пріобрѣли однимъ путемъ опыта, одною долгою полировкою между истинно свѣтскими и образованными людьми. Однако въ людяхъ этаго сорта, въ этихъ доморощенныхъ геніяхъ, если они неразвиты отъ природы, мы всегда найдемъ нѣчто утрированное; найдемъ даже нерѣдко то, что такъ прекрасно названо *галантерейнымъ обращеніемъ.* На сцѣнѣ театральной, недостатокъ природнаго развитія, недостатокъ породы, еще болѣе виденъ, и ни какой умъ, ни какой навыкъ невыведетъ человѣка на стезю, не соотвѣтствующую его породѣ, которая, кстати замѣтить, не всегда подчиняется гражданскому раздѣленію общества и всѣмъ внѣшнимъ его формамъ.

Третій сюжетъ нашей сцены, есть сладкозвучный, пѣвецъ г. *Леоновъ*. Мы сказали сладкозвучный, и это, по нашему мнѣнію, есть вернѣйшее опредѣленіе достоинствъ г. Леонова. Діапазанъ голоса Леонова, чистаго тенора, не очень великъ: онъ не можетъ исполнять большія и особенно трудныя вещи итальянской и нѣмецкой музыки и не можетъ даже потому, что у него нѣтъ правильнаго фальцета и нѣтъ той эластической мягкости въ голосѣ, которая была бы способна на рулады и на всѣ возможныя фіоритуры. Наконецъ, голосъ г. Леонова весьма несиленъ, такъ несиленъ, что не соотвѣтствуетъ даже резонансу нашего городскаго театра: Леоновъ на сценѣ и Леоновъ гдѣ нибудь въ залѣ есть два совершенно непохожіе другъ на друга лица. Но не смотря на всѣ эти недостатки, тембръ бархатнаго голоса г. Леонова; его плѣнительная манера, его задушевность въ пѣніи піэсъ небольшихъ, относящихся однако къ драматической музыкѣ, до того превосходны, до токо сладки, что слушать его и незаслушаться почти невозможно! Vibrato у г. Леонова такъ естественно, такъ сердечно, что оно дѣйствительно вибрируетъ сердца слушателей и возноситъ душу до пафоса глубокой, поэтической восторженности! Въ самыхъ простыхъ мотивахъ какого нибудь романа или пѣсни—напримѣръ, что можетъ быть проще мотива пѣсни: Вотъ на пути село Большое—при пѣніи г. Леонова вы слышите не пѣсню, а драму, цѣлую, глубокую, нѣсколько актную драму, исполненную съ чуднымъ совершенствомъ! Невозможно придать каждой поэтической мысли, каждому слову какого нибудь романса такого точнаго и глубокаго выраженія, какія придаетъ г. Леоновъ своимъ задушевнымъ пѣніемъ. Это пѣвецъ, а не флейта, не кларнетъ и даже не скрипка, это пѣвецъ съ голосомъ человѣческимъ, съ однимъ изъ совершеннѣйшихъ музыкальныхъ инструментовъ.

Какъ актеръ, г. Леоновъ неочень искусенъ въ особенности въ роляхъ свѣтскихъ людей. И этотъ недостатокъ ловкости въ немъ еще болѣе увеличивается отъ не привычки къ сценѣ и отъ его непобѣдимой робости. Но объ этихъ недостаткахъ сценическаго дарованія мы замѣчаемъ только въ скобкахъ, и просимъ г. Леонова вспомнить, что между нимъ и Рубини—этимъ геніальнымъ пѣвномъ, двигавшимъ на своемъ вѣку милліонами сердецъ человѣческихъ-есть много общаго не въ одномъ искуствѣ трогать сердца своимъ пѣніемъ, а даже и въ не искуствѣ разыгрывать хорошо данныя роли. Мы только совѣтуемъ г. Леонову не робѣть на сценѣ, а подобно Рубини, не думать много о достоинствахъ актера, сознавая свои достоинства пѣвца.

Въ заключеніе мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ всѣмъ артистамъ Нижегородскаго театра объ участіи къ нимъ публики. Доходившія до насъ жалобы артистовъ на охлажденіе публики были напрасны. Вотъ теперь зала театра очень часто бываетъ полна, а это значитъ, что публика всегда будетъ посѣщать театръ, если онъ будетъ того заслуживать. Да и это ли одно можетъ свидѣтельствовать въ пользу расположенія публики къ театру? Масса зрителей—кромѣ нѣкоторыхъ единицъ—такъ мало требовательна, такъ снисходительна, что она всегда искренно и сильно радуется каждому малѣйшему успѣху артиста; до того радуется, что иногда и не будучи вполнѣ довольна исполненіемъ нѣкоторыхъ сценъ или нѣкоторыхъ ролей, она усердно и отъ души аплодируетъ, какъ бы стараясь обмануть самое себя въ хорошемъ исполненіи. Это фактъ и фактъ психологически вѣрный, который повторялся, повторяется и будетъ повторяться на всѣхъ возможныхъ сценахъ.

Любитель театра.

О ПРІѢХАВШИХЪ И ВЫѢХАВШИХЪ

съ 11 по 14 мая 1849 года

Пріѣхали въ Нижній—Новгородъ

Изъ Спбурга отст. подпор. *Карамзинъ*, изъ Ардатова колл. регис. *Ивановъ*, изъ Москвы проѣзд. въ Симбирскъ отст. полков. *Николаевъ*, изъ Балахны тамож. земл. *Мистровъ*, ост. въ Кремл. Части, изъ Спбурга проѣзд. до Иркутска кор. жандар. полков. *Рындинъ*, изъ Спбурга отст. штабсъ ротм. *Нордъ*, ост. въ Рожд. Части.

Выѣхали изъ Нижняго—Новгорода.

Въ имѣніе отст. артил. поруч. *князь Урусовъ*, въ Вятку прапор. *Кнорринъ*, въ Княгининъ *графъ Каменскій*, въ Арзамасъ отст. подпор. *Карамзинъ*, въ Владиміръ надвор. сов. *Новиковъ*.

Редакторъ П. Мельниковъ

Нижній-Новгородъ. Въ Губернской Типографіи. Печатать дозволяется. *Нижегородскій Военный Губернаторъ Князь Урусовъ.*